

Ганкевич В.Ю.

ОЧЕРК ИСТОРИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО МЕКТЕБЕ (XIX - НАЧАЛО XX вв.).

Важное место в системе крымскотатарского народного образования занимали конфессиональные учебные заведения. Они делились на два разряда, где высшей ступенью были медресе, а низшей - мектебе. Эти учебные заведения были основой обучения и воспитания мусульман в истинно исламском духе и потому пользовались большой популярностью среди верующих крымских татар.

В данном случае нас интересует такое явление в системе этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии XIX - начала XX вв., как мектебе - низшая (начальная) ступень традиционной крымскотатарской системы народного образования. Это была не только приходская школа, а один из столпов всей истинно мусульманской жизни любого правоверного. Подобная школа закладывала основы национально-конфессионального самосознания, воспитания и мировосприятия.

О появлении первых мусульманских школ в Крыму точных сведений нет. Можно предполагать, что они появились после религиозной реформы золотоордынского хана Узбека, в ходе которой подвластные ему татарские племена приняли ислам. Однако сохранившаяся в Старом Крыму мечеть - медресе хана Узбека наталкивает на мысль, что если тогда уже появилось учебное заведение подобного типа, то начальные мектебе в относительно большом количестве уже могли существовать довольно продолжительное время в среде тюркского населения полуострова.

Первые ханы Крымского улуса уделяли большое внимание вопросам распространения знаний среди подвластного им народа. Особенно известен в этом отношении Менгли Гирей, жертвовавший в вакуфную собственность огромные средства.

Мусульманский мектебе в Крыму был точной копией подобных учебных заведений стран, где исповедовался ислам. Само понятие "мектеб", "мектебе", "мактаб" и т.д. обозначало: "место, где пишут". Это определение употреблялось в среде тюркоязычных мусульманских народов. Арабы обычно для определения низших религиозных школ употребляли понятие "куттаб"ⁱ. Разумеется, крымскотатарский мектебе подвергался влиянию со стороны подобных "коранических" начальных школ не только арабских, но даже персидских и турецких.

Трудно с полной достоверностью утверждать, как функционировали подобные мектебе в Крыму на протяжении нескольких столетий. Однако, зная о том, с какой благоговейностью мусульмане способны охранять свои социальные институты и традиции, представляется возможным реконструировать не только систему обучения в мектебе, но и некоторую общность, сопровождавшую его существование, нравы, царившие там. Это стало возможным прежде всего потому, что у нас сохранились свидетельства очевидцев, знакомых со старометодными мектебе, которые сохранились практически в нетронутом виде вплоть до начала XX века.

Все связанное с мектебе и конфессиональным обучением у мусульман имеет священный смысл. Это часто выливалось даже в некий мистицизм. Доказательством этому служит и сохранившаяся в некоторых селах горного Крыма начала XX века традиционная обрядность. Для правоверного мусульманина считалось долгом отдать своих детей в мектебе, где их научат быть ревностными последователями ислама, где они получают такую, по словам И.Гаспринского, "мусульманско-племенную закваску, что удивит всякого новичка-наблюдателя и заставит призадуматься рьяного русификатора"ⁱⁱ.

Об этом свидетельствует и непосредственно наблюдавший обряд отдачи мусульманского ребенка в мектебе Ф.Н.Андриевский. По его словам, сама эта процедура отличалась особой торжественностью. По достижении ребенком определенного возраста (обычно от 5 до 7 лет) родители, по требованию мусульманских обычаев, готовили его к поступлению в мектебе. Будущий ученик в сопровождении родителей, родственников, знакомых и учащихся

мектебе отводился к учителю или учительнице. В пути сопровождающими исполнялись соответствующие случаю мусульманские религиозные песнопения, гимны и стихотворения. Придя в мектебе, родители ребенка вручали его учителю и с поклоном дарили ему особое "приношение" - кофе, чай, сахар, табак, платок, отрез материи, хлеб, иногда деньги... В зависимости от зажиточности и благосостояния семьи.

После этой церемонии родителями устраивался общий праздничный обряд. Приглашенные совершали специальное торжественное "дуа" (молебствие). В деревнях горного Крыма, где население отличалось конфессиональной смешанностью, на этот полурелигиозный праздник приглашались даже христиане.

Вечером того же дня в доме новичка мектебе собирались уважаемые в деревне люди на чашечку кофе и беседу "лаф". Среди них были духовные лица, почтенные аджи, аксакалы ... В доме соседа собирались женщины - жены духовенства, отчитывальницы, бабки повитухи и т.д. "Виновник торжества, будь то девочка или мальчик, застенчиво, боязливо обходят гостей по старшинству и делают и почтительный "селям": особый род приветствия, оказываемый младшими старшему себя", - писал Ф.Н. Андриевский, непосредственно наблюдавший подобные церемонии в горных селениях крымских татарⁱⁱⁱ.

Крымскотатарские национально-конфессиональные мектебе делились на три основных типа. Среди них разумеется наиболее авторитетными должны были быть мечетские. Обычно занятия в них вели представители местного мусульманского духовенства: имамы, хатипы, муллы, муэдзины. Иногда они имели и особых помощников, заменявших их по мере надобности. Мектебе этого типа нередко существовали на вакуфные средства, т.е. завещанные на благородные дела, как, например, на благоустройство культовых сооружений и на расходы по образованию.

Независимо от того, существует ли в крымскотатарской общине приходской мектебе, мусульмане создавали общественные (джемаатские) и частные учебные заведения для изучения Корана и основ исламского правоверия. Их возникновение могло обуславливаться рядом важных с точки зрения крымских татар причин. Среди них необходимо отметить элементарное нежелание мусульманского духовенства утруждать себя заработком от мектебе. Обычно это себе позволяли муллы тех мечетей, вакуфные доходы которых были достаточно высоки. Кроме того, муллы относительно бедных приходов могли требовать непосильную для мусульман плату и несоразмерные подношения за свой "квалифицированный" труд. У части местных прихожан могли быть к духовнику и личные счеты, невыясненные противоречия и даже вражда. Настроенные оппозиционно, они могли не отдавать своих детей в мектебе к мулле. В общине могло быть довольно большое число детей мектебного возраста, и мулла часто не справлялся со своими преподавательскими обязанностями. И, наконец, в мечетских помещениях, или в доме у муллы, т.е. там, где проводились занятия, могли просто отсутствовать места для новых учеников.

Третьей формой мектебе, распространенной у крымских татар, были частные конфессиональные коранические школы. Они открывались на средства богатых и влиятельных в общине мусульман. Этим благотворители добивались большего уважения и признания собственного авторитета. В их числе могли быть образованные, сознательные помещики, торговцы, богатые ремесленники, промышленники из числа крымских татар. Частные мектебе открывались и силами отдельных групп мусульман.

Содержались мектебе обычно на средства мусульманской общины. Иногда помогали капиталы пожертвователей из числа зажиточных членов общества. Вакуфные средства и имущества, пожертвованные на содержание мектебе, редко были серьезной помощью для нормального его существования. Директор Таврических училищ Е.Л. Марков, опираясь на данные, извлеченные из дел магометанского духовного правления за 1865 год, приводит ряд интереснейших сведений. Они относятся к вопросу о средствах содержания татарских училищ и о доходности вакуфных имуществ: "Один мектебе в Бахчисарае с трех лавок получает

8 р. в год, другой с 5 лавок 40 р. 50 к., третий получает в год 22 р., имея 2 магазина с 2 лавками возле дворца и одну лавку у фонтана"^{iv}.

Автор обратил внимание и на значительные различия в вопросах финансирования крымскотатарских мектебе в зависимости от того или иного региона полуострова. Так, например, в крупных центрах национальной духовности, какими являлись Бахчисарай и Карасубазар (Симферопольский уезд), конфессиональные начальные школы крымских татар несколько отличались своей относительной материальной обеспеченностью. Мектебе Феодосийского уезда пользовались значительно менее крупными вакуфными имуществами. Обычно этим учебным заведениям жертвовались исключительно помещения, 10 комнат, 6, 4 и больше ничего^v. В мектебе же Евпаторийского уезда вакуфные средства обычно ограничивались лишь помещением большей частью в одну комнату. Ялтинский уезд, в свою очередь, еще более отличался в этом вопросе. Там от вакуфных пожертвований отказались вовсе, и мектебе содержались исключительно на средства родителей учащихся. Е.Л.Марков замечает, что "этот последний способ новейший, заменяющий старинные завещания, и потому свойственен горным местностям, не столь глубоко татарским, как степь"^{vi}.

Делая выводы, он отмечал, что приведенные и наблюдаемые им "факты несомненно указывают или на полное нерадение распорядителей вакуфов, или на недобросовестность с их стороны"^{vii}.

Еще реже финансовую помощь оказывало мусульманское духовенство хотя такие случаи имели место. Тем не менее, по официальным данным Таврического магометанского духовного правления, на содержание среднего крымскотатарского мектебе из всех источников в большинстве случаев тратилось не более 60 рублей в год^{viii}.

Денежная оплата труда учителя - "аджи" обычно колебалась от 50 копеек до 1 рубля. При комплекте учеников в 60 человек учителю обычно причиталось по 50 копеек за одного учащегося. Таким образом, в год получалось 6 рублей, а со всего мектебе - 300. Кроме этого, учителю иногда предлагалось жилое помещение, где он нередко проводил занятия. За счет общества ему представлялось топливо в холодное время года и некоторые другие услуги, призванные несколько обеспечить быт и поднять социальный статус аджи.

Корпус учителей мектебе отличался пестротой и разнообразием. В его составе, разумеется, выделяются служители мусульманской религии. Это были, прежде всего, имамы, муллы, хатибы, муэдзины и т.д. Исполняли должности мектебе учителей и члены семей мусульманского духовенства. Обычно, если занятия в классах мальчиков, т.е. мужском мектебе, вел мула, то учениц воспитывала его жена, дочь и т.д. Иногда мулле помогал сын, или кто-либо еще из числа окончивших мектебе и пользующихся авторитетом в общине лиц.

Кроме них, к обучению детей в мектебе приглашались "аджи", т.е. люди, совершившие паломничество к святым для мусульман местам, главным образом в Мекку. Эта категория учителей пользовалась особым почетом и влиянием на общину.

Иногда учителями становились обыкновенные относительно образованные члены местной мусульманской общины, пользующиеся доверием односельчан. Учителя этой категории обычно содержали частные мектебе.

Нередко в мектебе с учениками занимались сохты (студенты) духовных мусульманских учебных заведений - медресе. Они либо не заканчивали собственного обучения, либо находились в продолжительном "академическом отпуске".

Бывали случаи, когда местная мусульманская община приглашала для замещения вакантной должности учителя лиц не из своих односельчан, а из других районов Крыма. Приглашались учителя и из других губерний России. Но наиболее распространенными учителями этой категории были турки. Этим последним обычно гнало на заработки в Крым тяжелое экономическое положение в Османской империи на рубеже XIX и XX веков.

Решающее слово при выборе учителя в мусульманской общине имели наиболее авторитетные лица. В их числе прежде всего были представители мусульманского духовенства; аджи - паломники и баи - наиболее богатые, а значит, и влиятельные миряне.

Фигура оджи в мусульманской традиции окутана глубоким уважением, благоговейным почтением, а порой и мистицизмом. Последнее часто достигалось не благодаря педагогическим качествам того или иного учителя, а с помощью возведенных в абсолюте освященных клерикалами высказываний из религиозных книг. В их числе наиболее яркими представляются следующие: "Выговоры и побои муллы, оджи гораздо полезнее, чем ласки родителей", "Родители низводят душу человека на землю, и только, а учителя мусульманских мектебе помогают душе опять подняться на небо!..", "Кто показал тебе хоть одну букву, тем самым приобрел над тобою право хозяина!", "Кто научил тебя хотя бы одному слову Корана - твой хозяин!.." ^{ix}.

Запуганные адовыми муками, учащиеся мектебе выказывали одже предельно возможные знаки внимания. Порой они доходили до крайностей. Например, ученик не должен в пути обгонять оджу. Придя в мектебе, учащийся не смел даже постучать в дверь. Он должен почтительно сесть на корточки и скрестить руки на груди. Тихо и благоговейно сидя, ученик должен терпеливо ждать, "пока оджа сам не появится в дверях за какой-либо надобностью и не откроет их" ^x.

Если к одже столь почтительно относились вне стен мектебе, то о его влиянии внутри их не приходится сомневаться вовсе. Учащийся не смел приближаться к одже на известное расстояние. Он должен во всем повиноваться своему учителю и всеми средствами избегать всего того, что может хотя бы огорчить его или вызвать неодобрительный взгляд.

Наиболее авторитетных учителей мектебе, прежде всего седых оджи, в мусульманском обществе встречают с поцелуем руки и полы одежды. Они всегда почетные и желанные гости в любом доме мусульманина.

Как нам представляется, необходимо обратить внимание на санитарно-гигиеническое положение крымскотатарского традиционного мектебе. Они размещались в различных помещениях. Существовали приходские мечетские школы, которые располагались под одной крышей, то есть совмещались "нередко в одном и том же помещении" и мектебе и мечеть ^{xi}.

Кроме этого, под учебный класс преподававший сознательный мулла мог выделить помещение из числа комнат собственного дома. Иногда бывали классы в совершенно непригодных помещениях. Для этих целей использовали даже подсобные хозяйственные здания.

Частные мектебе, как правило, открывались на дому у учителя. Нередко в снимаемой оджей жилой комнате днем он проводил занятия с детьми.

Часто мусульманская община, приглашая того или иного учителя (обычно не местного) оплачивала съем жилья и учебного класса для открываемого мектебе из собственных средств. Богатый джемаат мог себе позволить даже строительство отдельного здания мектебе с жилыми комнатами для оджи.

Иногда, как уже отмечалось, для мектебе жертвовались специальные помещения из так называемых вакуфных капиталов и недвижимости. К сожалению, эти пожертвования крайне редко были приспособлены для нужд обучения.

В самом классе царил беспроектный убожество. Учебное начальство Таврической губернии еще в начале 1880-х годов поражала "жалкая и убогая обстановка без полов, без скамей и столов, где места вдалбливались собственным телом учащихся на земляном полу, составляет их скамьи" ^{xii}.

Уже в 90-х годах XIX века известный крымский ученый-статистик К.А.Вернер, описывая в своем труде татарский мектебе, отмечал, что эти помещения в большинстве известных ему случаев "совсем не удовлетворяют своему назначению" ^{xiii}.

Учебные помещения, разумеется, не проветривались. Доступ света был чрезвычайно ограничен. Мало того, что традиционная конструкция оконных рам благодаря частой решетке "пармахлых" поглощала большую долю дневного света, да еще некоторые оджи оклеивали их газетной бумагой - во избежание случайного подглядывания прохожих за тем, что творится внутри мектебе.

Опираясь на доклад Ялтинской земской Управы земскому Собранию в начале XX века, Ф.Н.Андриевский свидетельствовал о положении некоторых крымско-татарских мектебе, подвергшихся детальному обследованию. Результат был неутешительным. Членом земской Управы А.М.Дмитриевским было осмотрено 49 мектебе. Из 20 наиболее ярких описаний приведем наиболее одиозные: N 2) "Крыша течет, через стены дует, потолка нет; часть пола из досок, лежащих на земле, другая часть покрыта глиной; здание совершенно не приспособлено для школы"... N 17) "необходимо сжечь это позорное свидетельство беспощадного отношения волостной деревни Байдар к здоровью детей сельского общества, устроившего хлев, негодный даже для хозяйственной скотины, и назвавшего этот хлев школой"... N 36) "Здание построено в 1859 году, по-видимому, под конюшню и впоследствии приспособлено для мектебе"... N 47) "Следует закрыть школу, один из углов здания отваливается"^{xiv} и т.д.

И это не предвзятое мнение земских чиновников по отношению к национальному крымскотатарскому мектебе. В своей брошюре Ф.Н.Андриевский отвел много места из выступления одного из татарских учителей, на Ялтинском съезде народных учителей по вопросам инородческих школ в 1905 году. Описывая существовавшие мектебе, учитель говорил, что они "помещаются в очень плохих помещениях, в них школьной мебели нет, дети сидят во время занятий на голом земляном полу; классная комната постоянно полутемная и очень холодная"^{xv}. Он же полагал, что даже при "очень раннем возрасте" определения учеников в мектебе дети в этом учебном заведении подвержены заболеваниям, которые постепенно превращаются в хронические. Прежде всего это распространенные среди крымских татар туберкулезные (чахоточные) заболевания. Через несколько лет обучения учащиеся превращались в худосочных, малорослых людей с плохо развитой грудной клеткой и многими иными признаками болезненного развития организма.

Не вызывает сомнения, что подавляющее большинство крымскотатарских мектебе совершенно не отвечали элементарным санитарно-гигиеническим нормам. Очень часто эти учебные заведения калечили своих учеников. Нередко мектебе служили источниками распространения тяжелых болезней, порой превратившихся, как мы видим, в хронические.

Уровень методики преподавания, прежде всего родного языка и вообще чтения и письма находился в крайне запущенном, окаменевшем за сотни лет виде.

Главной целью мусульманских конфессиональных школ являлось обучение правоверного чтению священного Корана на арабском языке. Изучение Корана обуславливалось рядом сложностей. Довольно серьезную проблему это составляло даже для собственно арабов.

Древнейшие списки Корана выполнялись с помощью куфического почерка, где отсутствовали некоторые гласные буквы. Введение надстрочных и подстрочных знаков, которые должны были обозначать недостающие, прежде всего гласные звуки арабской фонетики, с одной стороны, облегчили, а с другой стороны – несколько усложнили ситуацию. Мало того, что подобные арабские литеры затрудняли восприятие текста, они утомляли зрение, рассеивали внимание учащегося.

Кроме того, спецификой письменности арабов были большие сложности с прочтением уже написанного текста. Дело в том, что в арабской графике существуют буквы, при произношении имеющие правило удвоения, которое часто совершенно изменяло смысл слова. Иногда буквы в написании сливались. Один и тот же звук в разных местах написания если обозначался соответствующей буквой, то уже в совершенно иных видах начертания. Таких графических изображений было четыре: самостоятельное, в начале, в середине и в конце слова; в соединении с другими буквами, отдельно, надстрочными и подстрочными знаками.

Можно себе только представить все проблемы, с которыми сталкивались учащиеся, родным языком которых был не арабский, а один из тюркских языков. Кроме того в арабском алфавите было только 29 букв, среди которых была и буква, состоящая из двух звуков - "лам-алеф". "С другой стороны, в тюркских языках существовали звуки "п", "ж" и "ч" - ни как не отраженные в арабском алфавите"^{xvi}, который был освящен исламской традицией. Это приводило в реальности к тому, что особенностью сложившейся ситуации в деле обучения

грамоте, как отмечал А.Н.Самойлович, была "непоследовательность, неустойчивость правописания"^{xvii}.

Учение обычно начиналось с молитвы о ниспослании успеха в учебе. Мектебный новчок приступал к изучению алфавита. Он вызубривал определенное количество букв, произнося бесчисленное количество раз: "Элиф, бей, пей, тей". Постепенно, под руководством уже знакомого с алфавитом своего товарища, он вызубривал названия других букв. Изучение происходило, разумеется, без всякого содержания. Привлекалась, прежде всего, зрительная память учащегося. Это помогало ему освоить формы литер.

После изучения этой части алфавита, на которое уходили месяцы, а иногда и годы, ученик приступал к знакомству с начертанием надстрочных знаков.

Далее ребенок начинал освоение слогов из двух, позже из трех букв. Потом ему приходилось вызубривать определенную формулу, состоящую из восьми непонятных "слов" без какого-либо значения. В эти "слова" искусственно внесены все сплетенные между собой буквы арабского алфавита. Сначала в формулу включалась известная молитва "Бисмилля ...", потом шли "таинственные слова" и в заключении произносилась еще одна мусульманская молитва.

Следующий этап обучения начинался с запоминания отдельных слов, словосочетаний и отдельных изречений. Прежде чем прочесть то или иное слово, ученик должен был произнести все слова, из которых оно состоит. Далее ребенок выкрикивал слоги из которого оно сложено. И только после этого произносил все слово вместе. Часто буквы и слоги было необходимо произносить "для запоминания" в беспорядочном виде. Таким образом, дети мусульманских мектебе зазубривали огромное количество слов, формы начертания ...

Так, как обычно в мектебе имелся всего лишь один учебный класс, дети разных уровней подготовки при изучении своего индивидуального задания всегда мешали друг другу. Это происходило и потому, что уроки учились ими только вслух. Из помещения мектебе поэтому доносился постоянный монотонный гул.

После ознакомления с правилами арабской фонетики и графики "Элифбе" учащийся приступал к изучению специальных пособий. Сначала он выучивал сборник мусульманских молитв, потом "Аптеик", "Ильм хал", "Мевлют", "Ясин" и извлечения из "Корана".

Изучив все это, ребенок приступал к ознакомлению с Кораном на арабском языке. Эту учебу оджа сопровождал пространством толкованием священного писания с использованием крайне малопонятных арабских и персидских религиозных слов.

Уровень обучения детей определялся по названиям изучаемых ими в мектебе книг. Набор учебных пособий был крайне неустойчив. Он мог ограничиться и исключительно Кораном. Среди наиболее употребляемых в этих учебных заведениях пособий необходимо отметить наиболее часто встречающиеся. Для наглядности приведем список татарских книг и учебных пособий, применявшихся в обучении в мектебе Симферопольского мусульманского общества и в мектебе Сеит Ваджи Сеит Умерова в том же городе^{xviii}.

В первом случае книги можно разделить по принципу места издания. Скажем, в Российской империи были напечатаны следующие учебники и пособия: "Элифбе"^{xix}, "Чоджукъларе аркъадаш"^{xx}, "Этимология", "Тарих Ислям", "Теллурий", учебник и задачник по математике Юревича в переводе на крымскотатарский язык. И книг и пособий турецкой печати, очень раздражавших таврическое учебное начальство, необходимо отметить: "Вероучение", "Начальная география в вопросах и ответах", "Карта Европы" и два глобуса.

В мектебе же Сеит Ваджи Сеит Умерова в Симферополе имелись следующие книги русской печати: "Элифбе", "Чоджукъларе аркъадаш" и арифметика. Остальные книги были изданы в Стамбуле: "Вероучение", "По турецки учись", "Практическое вероучение", "Новый учебник вероучения".

Из списка этой литературы видно, что комплект учебников в разных мектебе существенно отличался друг от друга. Очень популярными были книги и пособия турецкого издания. Разумеется, использовались и учебники, напечатанные в России и прежде всего в

Бахчисарае. Но подобный набор был часто только в более или менее богатых мектебе. В сельских же их было значительно меньше.

Огромные сложности обучения, с которыми сталкивались учащиеся в мектебе, очень их переутомляли. Растущий детский организм требовал движения. Шалившие и отвлекавшиеся учащиеся подвергались строгому наказанию оджи. Современник утверждал, что "наказания по своей жестокости доходят до степени средневековых пыток..."^{xxi}. В числе "средств воспитания" были не только оплеухи, подзатыльники и кулаки. Порой одже мог повалить своего ученика и остервенело топтать его ногами. Широко применялись палки "чубуки", которыми оджа колотил провинившегося ребенка по чем попало. Особо изощренные "педагоги" использовали и наводившую ужас на ребенка так называемую "фаланху". Она применялась обычно в двух случаях. В первом ребенка подвешивали на блоке с закрученными назад руками. Во втором же - жертву подвешивали за ноги головой вниз. Кому-нибудь из учеников оджа приказывал бить провинившегося. В последнем случае удары приходились по пяткам ослушавшегося ученика. Процедура наказания происходила на глазах у всех учащихся мектебе. Напуганные дети начинали еще сильнее кричать тексты своего урока, заглушая вопли своего товарища.

В Туркестане, скажем для сравнения, при "воспитании" учащихся мектебе применялось подобное наказание на аналогичном орудии наказания, о чем рассказал в своем труде академик Т.Н.Кары-Ниязов, который еще в 1912 году лично испытал на себе этот инструмент. Это был "фалак" - деревянный стержень с двумя петлями из веревок, в которые, по указанию домоллы [оджа у узбеков - В.Г.], двое из старших учеников ("халифа" - помощников домоллы) с силой совали ноги проштрафившегося ученика, затем, скручивая стержень, держали его с двух сторон так, что провинившийся висел вниз головой, а домолло безжалостно колотил его палкой по пяткам"^{xxii}. После применения фалака, например, Т.Н.Кары-Ниязов в течение некоторого времени совершенно не мог ходить.

Т.Н.Кары-Ниязов привел в своем труде характерное сообщение русского педагога в газете "Русский Туркестан" об истязаниях учащихся в мектебе: "В иных мактабах, в особенности на окраинах, муллы положительно истязают детей; встречаются даже такие наказания, как например, (за особо важный проступок), рассекание ножом глубоких ран на спине или на пятках причем раны эти солят солью"^{xxiii}.

Даже предупрежденные родители не могли ничем помочь своему ребенку. Запуганные фанатичным духовенством крымские татары могли лишь совершить молитву для того, чтобы все обошлось и гнев строго оджи был сменен на милость. Клерикалы находили массу оправданий своим жестокостям. Они убеждали мусульман, что битые оджой места ребенка в случае наказания того в раю - воссияют небесным светом, а очутись они в аду, они не будут гореть негасимым пламенем. Используя суеверия простых крымских татар, бессовестные муллы и оджи безнаказанно издевались на своими учениками, порой даже калеча их.

Либеральные преобразования в России второй половины XIX века поставили перед общественностью ряд вопросов, в том числе и проблему реформирования национального конфессионального образования крымских татар. Об их необходимости говорило вопиющее положение дел в этой сфере. Вопрос о реформировании всей системы профессионального образования у тюрко-мусульманских народов Российской империи вообще и у крымских татар в частности был поставлен выдающимся просветителем этого народа И.Гаспринским. Им был предложен ряд мероприятий, существенно улучшавших ситуацию в этом сложном деле.

Этот вопрос, в ходе своей общественной деятельности затрагивали видные крымскотатарские политики Р.Медиев и И.Муфтизаде.

Русская педагогическая общественность и губернская администрация, обращавшие свое внимание на плачевное положение мектебе крымских татар весь XIX век, предпринимали активные действия только с начала XX. В это время было создано несколько важных совещаний, призванных решить некоторые из наиболее актуальных вопросов крымскота-

тарского начального образования. В их ряду наиболее заметными были : Совецание при Таврической губернской земской Управе (25-26 августа 1908 года)^{xxiv}; Совецание по вопросу о татарских начальных школах в Таврической губернии (5 декабря 1908 года)^{xxv}; Заседание Постоянной Комиссии учреждаемой при Таврической губернской земской Управе, для рассмотрения и оценки учебных книг для татарских начальных школ (15 мая 1909 года)^{xxvi}; Совецание в Таврической дирекции народных училищ по вопросу о существовании в Таврической губернии татарских школ "мектебе-рушти"^{xxvii} и некоторые другие.

Тем не менее, до 1909 года в некоторых районах Крыма продолжали существовать традиционные национально-конфессиональные мектебе без каких-либо существенных изменений. В это время, в результате борьбы национальной педагогической интеллигенции, все старометодные начальные конфессиональные учебные заведения были реорганизованы и превратились в новометодные^{xxviii}.

Большой интерес представляет вопрос о численности мектебе в Крыму. И.Гаспринский в начале 80-х годов XIX века отмечал, что любая "мусульманская община имеет свою школу и мечеть"^{xxix}, подчеркивая традиции крымских татар. Оценки составлялись, исходя из разных принципов. Обычно подобные статистические данные собирались Таврическим магометанским духовным правлением. Они отличались крайней неточностью. Мусульманские общины практически никогда не ставили в известность свое непосредственное начальство об открытии или закрытии того или иного мектебе.

Обращая внимание на невозможность "вывести общую точную цифру татарских училищ" в Крыму, один из директоров Таврических училищ все же привел ряд интересных фактов. Опираясь на ведомость Таврического магометанского духовного правления, он утверждал, что в 1865 году в 5 уездах губернии имелось всего 34 мектебе^{xxx}.

При составлении отчета по дирекции за 1867 год на полуострове было выявлено 131 мектебе^{xxxi}. Эти данные тоже были очень неточными.

К 1876 году были выявлены 34 мечетских и 116 частных мектебе. В них обучались 2610 мальчиков и 1112 девочек, т.е. около 20 человек на школу^{xxxii}.

В 1883 году имеются общие данные по медресе, частным мечетским мектебе. Цифра равнялась 298^{xxxiii}. В 1887 же году она увеличилась до 500^{xxxiv}, а уже в 1888 - 539^{xxxv}.

По имеющимся данным к 1892 году число мечетских мектебе равнялось 347, при общем числе учащихся: мальчиков - 5217, а девочек - 4102. В том же году частных мектебе было 128, где обучалось 1177 мальчиков и 1245 девочек.

По тем же категориям к 1893 году удалось выявить только 330 мечетских мектебе, в которых занимались 4757 мальчиков и 3428 девочек. По категории частных мектебе, которых в Крыму тогда было уже 138, мальчиков училось 1911, а девочек - 1615 человек^{xxxvi}.

Сохранились данные, хранящиеся в делах Российского государственного исторического архива, согласно которым в Крыму тогда существовало 562 мектебе^{xxxvii}.

Однако следует еще раз подчеркнуть, что вышеприведенные данные носят приблизительный характер. Проводивший в 1892 году инспекцию Таврического магометанского правления действительный статский советник Вашкевич отмечал, что в "течении последних 10 лет не было в производстве ни одного дела об открытии новой школы или назначении учителя"^{xxxviii}. Между тем это было прямой обязанностью Канцелярии Таврического магометанского духовного правления. Дело доходило до того, что чиновники этого духовного правления обращались за справками о числе учебных заведений в ... Дирекцию народных училищ Таврической губернии.

Из вышеизложенных фактов необходимо сделать вывод, что ко второй половине XIX века конфессиональные мектебе В Крыму совершенно изжили себя. Они не являлись прогрессивным явлением в жизни крымских татар, оставались данью религиозным традициям. Часто их функционирование калечило собственных питомцев как духовно и морально, так и физически. Они не решали образовательных задач, которые поставила развивающаяся цивилизация. Представители российской и национальной педагогической общественности ви-

дели насущную потребность в коренном реформировании этой системы народного образования. Именно поэтому в начале XX века с использованием авторитета Таврического магометанского духовного правления была проведена комплексная реформа, по результатам которой все крымскотатарские мектебе превратились в приходские школы, основанные на применении звукового метода обучения. Пропагандируемое с конца XIX века общественно-педагогическое движение, известное как джадидизм, одержало в Крыму убедительную победу. Все крымскотатарские мектебе стали новометодными (джадидистскими).

Тем не менее, древние крымскотатарские мектебе сыграли свою роль в истории этнопедагогики этого народа. Они стали символом традиционализма, но пользовались многовековым авторитетом у крымских татар. Несколько столетий мектебе были наиболее массовыми учебными заведениями в регионе, и в таком виде выполняли свою гуманистическую роль. Имеет смысл более глубоко раскрыть проблемы истории крымскотатарской этнопедагогики и системы национального народного образования крымских татар, где одно из наиболее важных мест занимали традиционные конфессиональные учебные заведения первой ступени - мектебе.

ⁱ Андриевский Ф.Н. Мусульманский мектебе и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове (Исторический очерк).- Симферополь: Изд-во Таврич. губ. земства, 1908.- С. 145.

ⁱⁱ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина.- Симферополь: Изд. тип.Спиро, 1881.- С.26.

ⁱⁱⁱ Андриевский Ф.Н. Указ. соч.- С. 13-15.

^{iv} Марков Е.Л. Материалы по вопросу об образовании крымских татар, извлеченные из дел таврической дирекции училищ и других, местных источников директором Таврических училищ Марковым// В кн. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев.- СПб.: Тип. т-ва "Общественная польза", 1869.- С. 107.

^v Там же.- С. 108.

^{vi} Там же.

^{vii} Там же.

^{viii} Памятная книжка Таврической губернии// Сост. статистическим бюро губернского земства под ред. К.А.Вернера.- Симферополь: тип. газеты "Крым", 1889.- С. 77.

^{ix} Андриевский Ф.Н. Указ. соч.- С. 26.

^x Там же.- С. 26-27.

^{xi} Гаспринский И. Указ. соч.- С. 27.

^{xii} Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1881 год .- Бердянск: тип Э.Килиус и К, изд. второе, 1882.- С. 38.

^{xiii} Памятная книжка Таврической Губернии...- С. 63.

^{xiv} Андриевский Ф.Н. Указ. соч.- С. 29-30.

^{xv} Там же.- С. 32.

^{xvi} Ганкевич В.Ю. Жизнь и деятельность И.Гаспринского (1851-1914) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.- Симферополь, 1995.- С. 156.

^{xvii} Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики.- Пг.: ТГЗУ отделение нар. образ., 1916.- С. 8.

^{xviii} РГИА, ф. 821, По. 133, д. 466, л. 405-406.

^{xix} Байбуртлы Я.Н. Элифбе.- Бахчисарай: тип. газ. "Терджиман", 1913.

^{xx} Сами Х.У. Чоджугларе аркъадаш. Къырает биринджи ктаки.- Багъчасарай: тип. газ. "Терджиман", 1913, джылт 1; джылт 2, 1912.

^{xxi} Андриевский Ф.Н. Указ. соч.- С. 20.

^{xxii} Кары-Ниязов Т.Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана.- М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955.- С.57.

^{xxiii} Русский Туркестан.- 1905, 24 июля. Цит. по: Кары-Ниязов Т.Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана.- М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955.- С.58.

^{xxiv} Постановления Совещания Таврической Губернской Земской Управе по вопросам обучения татар// ТНУ.- 1908, NN 11-12.- С. 4-6.

^{xxv} Кричинский А. Очерки политики Российского царизма на окраинах.- Баку: Изд-во Тюркского культурно-просветит. отд. Азербайджанского союза п/о "Кооперация", 1920.- ч. II.К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар.- С. 62-73.

^{xxvi} Журнал заседания Постоянной комиссии, учрежд. при Таврич. Губ. Зем. Управе, для татарских нач. школ 15 мая 1809 года// ТНУ.- 1909, N 9-12.- С. 13-20.

-
- xxvii Кричинский А. Указ. соч.- С. 80-89.
- xxviii Там же.- С. 92-100; РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 463, л. 75-77.
- xxix Гаспринский И. Указ. соч.- С. 26.
- xxx Марков. Указ. соч.- С. 20.
- xxxi Там же.- С. 101.
- xxxii Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1881.- Бердянск: тип Э.Килиус и К, 1882.- С. 55-56.
- xxxiii Там же, за 1882.- Бердянск: тип Э.Килиус, 1883.- С. 17-18.
- xxxiv Там же, за 1887.- Бердянск: тип Э.Килиус и К, 1888.С. 9.
- xxxv Там же, за 1888.- Бердянск: тип Э.Килиус и К, 1889.С. 9.
- xxxvi Там же, за 1892.- Бердянск: тип Э.Килиус и К, 1893.С. 164-165.
- xxxvii РГИА, ф.821, оп.133, д.464, л.14-14(об).
- xxxviii Там же, оп.8, д.625, л.64.